

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

7
Пробегаю глазами по строчкам, откладывая книжку Н. Расул-заде «Дождь в празднике» и... снова (в который раз!) пробую сосредоточиться. Но слова куда-то исчезают, а вместо них в памяти то и дело всплывают немые эпизоды из только что прочитанного. Может, это именно тот самый случай, когда книга прочитана, а музыка слов продолжает будоражить сознание? А может, дело в данном случае не в музыке слов, не в аллитерации звуков, не в формальных признаках мастерства писателя вообще, а в той правде, которую несет в своем образе каждый изставших знакомым мне незнакомцев, описанных автором.

Историю старого Керима из рассказа «Звезда далекая» автор мог знать только понапалыше или придумать (поскольку сам он родился значительно позже описываемых событий), но подана она в рассказе на редкость убедительно и правдоподобно.

Много лет минуло с тех пор, как Керим Ахмедов склонил свою фронтовую подругу Люску, так и не успевшую подарить ему сына. «Настали светлые дни — дни, в которые жил теперь старый Керим. Но нет-нет да и вспомнит старик фронтовую молодость, друзей-товарищей, грозные битвы, Люску и полыхающую — сейчас дотла сгорит! — далекую звезду...».

Я специально повел разговор об этом рассказе, а не стал придерживаться хронологической последовательности, поскольку «Звезда далекая» и

Рассказ «Звезда далекая» бесспорно — одна из творческих удач молодого прозаика. И не случайно он помещен в сборнике первым. Дело даже не в том, что автор показал, насколько мастерски владеет он композицией, сюжетом, диалогом, эпитетом. Все это азбука писательского ремесла. Гораздо важнее, что в небольшом по объему произведении ему удалось написать по-настоящему запоминающийся образ героя. Написать так, чтобы читатель не спутал его ни с чьим другим. Ведь именно образ в конечном счете несет в себе идею произведения. Можно забыть сюжетные перипетии, но образ — если он написан достаточно сильно — не забываеться.

Подтверждением этой мысли может послужить и описанный Н. Расул-заде в рассказе «Чужак» пришелец: «вместо правой руки у него в такт шагам под подшитым намного выше локтя рукавом гимнастерки вздергивался обрубок, левой рукой он держал на плече палку, на конце которой болтался небольшой цветастый узелок, из тех, что в городе берут с собой женщины».

Я специально повел разговор об этом рассказе, а не стал придерживаться хронологической последовательности, поскольку «Звезда далекая» и

«Чужак», несмотря на то, что о разных людях, все-таки написаны об одном поколении. А поколение это жило трудно, в суровое время, о котором поэт Б. Пастернак сказал: «В те дни — а вы их видели и помните, в какие, — я был из ряда выделен волной самой стихии». Волна стихии в те дни многих выделяла из ряда. Не обошла она и чужака — Исмета, пришедшего в село лишь за тем, чтобы смыть кровью брата — Гада Таптыка позор с семьи, чтобы самому судить его по законам чести и совести за дезертирство, предательство и злодеяния, которые он учил в своем же селе. Исмет, искалеченный войной и внешне неприметный, человек сильной воли и открытой, доброй души — навсегда остался в селе, отомстив Гаду-Таптыку. Он ждал скорой смерти от полученных на фронте ранений, а нашел любимую и верного друга в председательше Марьям.

В большинстве рассказов, представленных в новой, третьей по счету книге Н. Расул-заде, увидевшей свет в издательстве «Язычи», действуют не более пяти-шести героев, и, как справедливо отмечено в коротеньком предисловии, «все они носители добра, справедливости, веры в высокое предназначение человека». Мне бы хотелось добавить к этому, что все они наделены индивидуальными чертами

характера, написаны так выпукло и реально, что невозможно представить их себе физически существовавшими людьми, внутренняя жизнь которых раскрыта нам до малейшей детали. Все они словно отсняты хорошим фотографом крупным планом. Хотя сравнение это чисто условно. Ведь помимо точности фотографической у литературного произведения должна быть и точность ассоциативная...

Н. Расул-заде в каждом своем рассказе старается сохранить свою писательскую индивидуальность, свой стиль, свой почерк, большое внимание уделяя работе над словом. Он избегает «красивостей» и вместе с тем ищет свои эпитеты, стремится писать метафорично.

«А теперь, когда уже давно пеленой спали с глаз юношеские иллюзии о большом таланте и великом признании и осталось только ремесло, дающее короткие, как вспышки, радости находок и долгие месяцы терзаний и исканий, он был уже далек от мысли считать себя избранным и относил себя к разряду самых обыкновенных людей...» — так немногословно характеризует он Закир-муаллима, известного актера, стареющего однокого мужчину («Никто не придет так поздно»), который с каждым прожитым днем все

острее ощущает свое одиночество.

Сюжет рассказа прост: лучшего артиста киностудии уговарили сниматься в фильме начинающего режиссера. В ходе работы на съемочной площадке Закир Агаевич Кадыров пытался внести корректировки в сценарий. Однако молодой режиссер воспротивился этому. Обычная, казалась бы, ситуация. Стоит ли она рассказа?

Трудно, наверное, придумать необычную ситуацию. Но не менее сложно не придумывать, а увидеть в обыденной жизни необычное, интересное и что-то очень важное для многих и многих людей.

У рассказов, представленных в книге «Дождь в празднике», есть еще одна отличительная черта. Все они имеют «постоянную» прописку. Другими словами — они об Азербайджане и азербайджанцах, о Баку и бакинцах. Это чувствуется во всех компонентах и главным образом в языке.

Должны ли герои произведений говорить чистейшим литературным языком? Нет, конечно. Пуризм препятствует развитию русского языка, пополнению его новыми словами, органически рождающимися в нашем обществе. Вот почему достоинством произведений Н. Расул-заде является, на мой взгляд, националь-

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ Н. РАСУЛ-ЗАДЕ
«ДОЖДЬ В ПРАЗДНИК»

ный колорит в речевых характеристиках героев, помогающий глубже понять их внутренний мир, склад мышления. Причем этот колорит присутствует не только когда автор показывает диалог сельских жителей, но и когда он описывает современную бакинскую молодежь.

Кстати, о молодежи и для молодежи молодой прозаик пишет, как мне кажется, лучше всего. Именно в тонко-психологической, лирической прозе о его современниках, почти сверстниках по-настоящему раскрывается писательское дарование Н. Расул-заде. Это в равной степени относится к лучшим, с моей точки зрения, его рассказам в этой книге: «Дождь в празднике», «На углу, у дома Севиндж», «Недолго голубое». Не хочу пересказывать их сюжет. Лучше прочтите их сами. Они того стоят, хотя бы потому, что написаны о нас с вами, о таких вот, как мы: любящих и любимых, простоватых и деловитых, мечтающих и одержимых, но в конце концов счастливых даже в своих неудачах, потому что молодость и полное разочарование несовместимы.

Молодость — это преодоление. Именно об этом преодолении самого себя и всего, что мешает Назиму Мадатову быть счастливым, как мне думается, повесть «Дублер». Многие из нас так же, как и он, Назим Мадатов, стараются дотянуться до мечты, преодолевая подчас непреодолимое. Торопятся. И не обращают внимания на то, как теряют по крупицам способность замечать окружающих, близких, друзей. Такие люди заняты только собой, своими делами. Они стремятся пробиться в «звезды», желая победить в этой гонке, не думая, не отдавая себе отчета в том, что победа только тогда имеет смысл и приносит счастье, когда есть кто-то рядом, кому нужна она, эта наша победа, так же, как нам самим. Мадатов об этом не думал. Он никогда не любил больше самого себя. И потому потерял так, по небрежности, скорее даже не потеряв, а оттолкнул от себя Наргиз, не приобрел настоящих друзей, невнимательно относился даже к матери. И виновато во всем этом не самопреодоление, а то, что на пути своем Мадатов никого не замечал, кроме себя. Он будет иметь в компенсацию «недолговечные радости от роли, новые знакомства, пирушки». Ему «что-то придется пробивать, что-то само пробуется, и завернется старая карусель»...

Я бы так не смог.
А вы?

Г. ДОЛУХАНОВ.